

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

XIII

Культура русской речи

Главный редактор А.М. Молдован

МОСКВА

2017

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. — М., 2017. 496 с.
ISSN 2311–150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плулунян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Е. В. Бешенкова, к. филол. наук (Москва, Россия);
О. Е. Иванова, к. филол. наук (Москва, Россия);
М. С. Каргышева (Москва, Россия);
Е. Я. Шмелева, к. филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017

©Авторы, 2017

**Proceedings
of the V.V. Vinogradov
Russian Language Institute**

XIII

Russian Linguistic Standards

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW

2017

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2017, No. 13. Russian Linguistic Standards. — M., 2017. 496 p.
ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nettet, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Elena V. Beshenkova, Ph.D. (Moscow, Russia);
Olga E. Ivanova, Ph.D. (Moscow, Russia);
Maria S. Kartysheva (Moscow, Russia);
Elena Ya. Shmeleva, Ph.D. (Moscow, Russia).

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77–57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2017

© by Authors, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Новые явления в русском языке XXI века: проблемы кодификации нормы

Н. Ю. Авина (Вильнюс) «В какую сторону думать?»: о культуре русской речи студентов-билингвов в ситуации языкового контактирования	13
Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург) Агрессивный узус или эволюция языковой нормы? (приглашение к дискуссии)	21
Л. Н. Дьякова, Н. А. Козельская, И. А. Стернин (Воронеж) Опыт описания сферы незнания и интереса носителя языка (на материале языкового сознания воронежцев)	28
А. Г. Жукова (Москва) Ненормы в современной коммуникации (на примере лексемы <i>функционал</i>)	35
О. С. Иссерс (Омск) Дай Бог не последний! (о вирусной эвфемизации в контексте массовой речевой культуры)	43
Е. М. Лазуткина (Москва) О разрушении национальных языков в эпоху глобализации	53
М. В. Ляпон (Москва) Игровая риторика — практикум по культуре речи	59
Н. Б. Мечковская (Минск) Языковая демократизация, либерализация и встречные процессы: соотношение стихии и планирования	68
О. В. Мякшева, О. Б. Сиротинина (Саратов) Государственный (литературный) русский язык: обязательные и возможные сферы его использования, нормы и реальный узус	82
Е. А. Никишина (Москва) Наклейки на автомобилях как малый жанр в системе речевого взаимодействия на дороге	89
Е. Ю. Протасова (Хельсинки) Соблюдение регламента на конференции: реплики участников	97
Т. Б. Радбиль (Москва) Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира	107
Р. Ратмайр (Вена) Культура речи в этических кодексах компаний и реальное общение на примере обслуживания клиентов	115
Н. Н. Розанова (Москва) Разговорная лексика в «контексте» стереотипных ситуаций городского общения и проблемы ее словарного представления в «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРР)	126
С. О. Савчук (Москва) Устная научная речь в свете корпусных данных	136
О. И. Северская (Москва) «Через время, через расстояние»: стилистическая ошибка, эллипсис или рекурсия нормы?	145
Г. Н. Складаревская (Санкт-Петербург) «Так не говорят», или Еще раз о системе, норме и узусе (взгляд лексикографа)	153

А. Э. Цумарев, Л. Л. Шестакова (Москва)	
О кодификации языковых норм в «Академическом толковом словаре русского языка» . . .	160
В. Д. Черняк (Санкт-Петербург)	
«Вечные вопросы» культуры речи в лексикографической традиции и современной словарной интерпретации	168
С. Д. Шелов (Москва)	
Основные проблемы терминоведения: некоторые итоги	176
А. Д. Шмелев (Москва)	
Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений?	184
Е. Я. Шмелева (Москва)	
Язык «эффективных менеджеров»: общий жаргон или русский язык XXI века?	192
Т. В. Шмелева (Великий Новгород)	
Грамматика новгородцев: региональная норма?	199
Т. Е. Янко (Москва)	
О просодической вариативности	205

Лексика и грамматика: узус и норма

Е. Г. Борисова (Москва)	
О факультативных фрагментах смысла высказывания (еще раз о словах-паразитах)	215
И. Т. Вепрева, Н. А. Купина (Екатеринбург)	
Заметки об узуальных сдвигах в лексической семантике	223
М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург)	
Элиминация темы и постулат о базовом порядке слов в русском языке	230
С. М. Евграфова (Москва)	
Грамматика понимания и грамматика порождения текста и проблемы вербального обучения	238
О. П. Ермакова (Калуга)	
Возможности словообразования в сфере выражения логических категорий	247
Г. И. Кустова (Москва)	
Семантика и типы употребления наречных квазирелятивов	257
А. Б. Летучий (Москва)	
Асимметрия употребления местоимений <i>что</i> и <i>кто</i> и морфологическая одушевлённость	265
И. А. Магеррамов (Москва)	
О типовых нарушениях синтаксиса в современных медиатекстах	275
Е. В. Маринова (Нижний Новгород)	
Ценностные эпитеты в системе этических представлений современных пользователей Интернета	282
Н. А. Николина (Москва)	
Типы и функции контаминированных образований в современной русской речи	288
М. В. Трубицина (Москва)	
Согласование в конструкциях с названиями в русском языке	295
Е. В. Урысон (Москва)	
Наречие <i>сразу</i> : семантика и грамматика	304
М. Ю. Федосюк (Москва)	
Предложение как текст: стилистический и культурно-речевой аспекты	314
О. Е. Фролова (Москва)	
Социальная стратификация: от метафоры к словообразованию	323
В. Н. Шапошников (Москва)	
Семантический потенциал частиц и развитие лексико-грамматических вариантов: границы слова и границы нормы	332

И. А. Шаронов (Москва)	
Мода на неизменяемость: история разрастания и современное состояние	340
М. В. Шульга (Москва)	
О развитии синтетических средств в динамике русского языка	349
С. Янурик (Будапешт)	
Английские заимствования с исходом на -Ш(Е)Н И -Ж(Е)Н	
в русском языке последних лет в свете словарных и корпусных данных	356

Орфография и орфоэпия

Е. В. Бешенкова (Москва)	
Ретроспекция как фактор ортологической политики орфографистов. Часть 1	367
Л. А. Вербицкая (Москва)	
Особенности фиксации орфоэпической нормы сегодня	375
С. В. Друговейко-Должанская (Санкт-Петербург)	
К чему (зиц)председателю дефис, или Графикация как симптом	395
Л. В. Зубова (Санкт-Петербург)	
Орфографическая стилистика	407
О. Е. Иванова (Москва)	
Орфографическая кодификация и социальная динамика	417
И. Б. Иткин, В. Д. Пекарская (Москва)	
Международный скандал (сложные слова с первым компонентом <i>меж-</i> ~ <i>между-</i>	
в истории русского литературного языка)	426
В. В. Каверина (Москва)	
Основные тенденции употребления консонантного удвоения в заимствованных словах	435
М. С. Каргышева (Москва)	
Современное употребление и историческая динамика распределения первых	
компонентов <i>дву-/двух-</i> в сложных словах	443
И. В. Нечаева (Москва)	
Употребление прописной графемы: аргументы и факторы	449
Н. В. Николенкова (Москва)	
Употребление прописной буквы: история и современная кодификация	459
А. А. Плетнева (Москва)	
Народное правописание и реформа орфографии 1917–1918 годов	466
С. К. Пожарицкая (Москва)	
Орфоэпия в эпоху корпусной лингвистики: динамика вариантов и их оценка	474
С. В. Феликсов (Москва)	
Типы вариантов написаний религиозной лексики в лексикографических	
произведениях гражданской печати второй половины XVIII века	488

А. А. Плетнева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
csl_centra@mail.ru

НАРОДНОЕ ПРАВОПИСАНИЕ И РЕФОРМА ОРФОГРАФИИ 1917–1918 ГОДОВ

В статье рассматриваются проблемы предистории орфографической реформы 1917–1918 гг. Обсуждение программы этой реформы началось еще в XIX веке, причем наиболее активными ее сторонниками были сельские учителя. Педагоги считали, что упрощение орфографии облегчит учебный процесс и будет способствовать успехам народного образования. В статье показывается, что в результате реформы орфографическая норма вобрала в себя ряд особенностей, присущих народной письменности (лубки, крестьянские письма). Крестьянская орфография не была нормированной, однако обладала рядом специфических черт, некоторые из которых были позаимствованы авторами реформы.

Ключевые слова: орфография, орфографическая реформа, народная письменность, лубок, неграмотность, малограмотность.

История орфографической реформы 1917–1918 годов обычно описывается как история комиссий и других институций, готовящих реформу. При этом в центре внимания исследователей оказывается в основном филологическая оценка реформаторских проектов и вклад филологов в решение проблемы упрощения орфографии. Между тем созданию комиссий, состоящих из профессионалов, предшествовал другой период, когда о необходимости орфографической реформы говорили в основном педагоги. Сама идея упрощения русской орфографии связана с развитием народной школы в последней трети XIX века. Учителя словесности, обучавшие крестьянских детей, постоянно сталкивались с тем, что ученики плохо усваивали орфографические правила. Такое положение дел естественным образом приводило к мысли, что существующие правила надо менять. В периодической печати звучали голоса учителей, размышляющих о том, как должно выглядеть обучение русскому языку и как должен выглядеть свод орфографических правил.

Учителя, сторонники реформы, утверждали, что упрощение орфографических правил существенным образом изменит ситуацию с преподаванием русского

языка. Не будет необходимости тратить так много времени на заучивание правил, а освободившееся время можно будет использовать на приобретение других полезных умений, таких как: умение читать и пересказывать текст, умение вести дискуссии, письменно излагать свои мысли. «Не лучше ли же, — писала группа калужских учителей, — вместо бессодержательных упражнений на употребление буквы «ять» заняться с учениками хотя бы стилистическими упражнениями и дать им навык, действительно полезный и необходимый, ясно излагать свои мысли, так как жалобы на то, что кончившие курс народной школы не могут толково написать письма, к сожалению, вполне справедливы» [Мусорные буквы 1895]. Чтобы выяснить отношение учителей к реформе русской орфографии, педагогическое общество Новороссийского университета провело специальный опрос и пришло к выводу, что учителя «единогласно сочувствуют упрощению современного русского правописания, причем некоторые с особой скорбью говорят об этом важном и даже наболевшем <...> вопросе». В подготовленном этим обществом докладе говорилось, «что современное правописание тормозит достижение других более важных задач школы, например, мешает изучению русского языка и наработке искусства устного и письменного изложения» [Доклад 1903: 2]. В газетных и журнальных статьях часто звучала мысль, что дети крайне негативно относятся к курсу словесности, особенно им не нравится диктант и списывание текста [Голос учителя 1914: 43]. В 1914 г. журнал «Для народного учителя» опубликовал материалы Первого всероссийского съезда по народному образованию. В разделе о методах преподавания говорилось, что не стоит уделять орфографии так много внимания. «Одной из основных задач изучения родного языка должно быть развитие творческих начал в душе ребенка и умение выражать это творчество правильной речью, как устной, так и письменной» [Резолюция 1914: 13].

Другим вопросом, который волновал учителей, был вопрос о том, что уровень грамотности не должен быть главным критерием при оценке образованности человека. Учителя писали, что нужно перестать снижать оценки за ошибочные написания [Резолюция 1914: 14]. Эта позиция демонстрирует, что общество стало воспринимать орфографию как социальный барьер, препятствующий выходцам из низших сословий получить образование. Однако противники орфографической реформы писали, что идея игнорировать правила правописания в начальной школе, может, напротив, привести к еще большему социальному неравенству. По их мнению, снижение требований к орфографии препятствовало бы поступлению крестьянских детей в среднюю школу, ведь они не могли сдать необходимые экзамены. Возможность была только одна — снизить требования к орфографии не только в народной школе, но и в других типах начальных учебных заведений, тогда бы все ученики оказались в равном положении. Именно об этом, изучив анкеты школьных учителей, заявляла орфографическая комиссия Новороссийского университета [Доклад 1903: 1–2].

Сторонники орфографической реформы в своих рассуждениях часто обращались к авторитету создателей славянской письменности Кириллу и Мефодию.

Обычно ссылка на солунских братьев приводилась, чтобы показать, что новый фавит, а следовательно, и новые орфографические правила служат делу развития национального языка и грамотности. На первом заседании Орфографической комиссии 1904 года звучали слова о том, святой Кирилл дополнил греческий алфавит буквами, обозначающими особые славянские звуки. П. Н. Сакулин¹ говорил, что если раньше введенные Кириллом буквы ѣ и ѓ были совершенно необходимы, потому что обозначали особые звуки, то теперь пришла пора исключить их из алфавита, потому что особых звуков, обозначенных этими буквами, больше нет. Такое исключение было бы в духе деятельности солунских братьев, ориентировавшихся на фонетический строй языка [Протокол 1905: 37]. О деятельности Кирилла и Мефодия вспоминал и академик А. А. Шахматов, когда на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка в средней школе говорил о необходимости разрыва с существующей традицией. Создатели славянской письменности преодолели существующие стереотипы о том, что богослужение возможно только на трех священных языках и создали славянскую письменность. Изменение орфографии — такой же разрыв культурной традиции [Григорьева 2004: 110].

Характерно, что на кирилло-мефодиевскую миссию сыпались не только сторонники орфографической реформы, но ее противники. Ведь исключение ряда букв из русского алфавита, букв, которые были общими для русского и церковнославянского языка, вело, по мысли консерваторов, к разрыву с наследием святых братьев. Увеличение расстояния между русским и церковнославянским языками, с точки зрения противников реформы, привело бы к тому, что крестьяне стали бы хуже понимать церковнославянский язык, не смогли бы читать Псалтирь и Часослов. В изменении орфографии видели и покушение на всю русскую культуру, которая укоренена в прошлом, общем для всех славян.

У противников орфографической реформы были и другие аргументы, не только сугубо консервативного характера. Так, например, они писали о вреде фонетического принципа при освоении орфографии. Школьник, учащийся грамотно писать, запоминает облик слова целиком, у него есть визуальный образ слова, а правила в процессе освоения письма вторичны². Профессор Варшавского университета А. В. Михайлов в книге о преподавании русского языка в школе отмечал, что школьные правила не позволяют ученику самостоятельно составить грамотный

---

¹ В дореволюционных изданиях эта фамилия пишется с двумя к: Саккулин, а в послереволюционных — с одной к: Сакулин.

² «Ученики по буквам ищут слово, а не в слове ищут знакомые буквы. Совершенно не изошрывается сила зрительного анализа у детей, ибо работа не исходит от видимого слова как целого, а, напротив, изошрывается сила синтеза (слияния) основанного исключительно на слуховых представлениях. Подобным образом и при обучении письму все усилия употребляют на то, чтобы создать у детей привычку строить письменное слово по слышимым звукам, по слову. Произноси слово, слушай его звуки, записывай их и выйдет письменное слово — вот правило звукового письма. Не приучают думать о целом слове, прежде чем написать его и считают досадными и «трудными» все случаи, когда необходимость все-таки заставляет представить сначала целое слово» [Мироносицкий 1917: 7–8].

текст. Правила имеют большое количество исключений, есть случаи, когда нормативное правописание противоречит правилам школьной грамматики. В результате ученикам приходится запоминать большие объемы информации, в которой нет системы. С точки зрения Михайлова, запоминать следует только визуальный облик слова, а вдаваться в вопросы, почему то или иное слова пишется так, а не иначе, нет никакой необходимости. Он отмечает, что реформа орфографии — бессмысленное дело. Менять нужно систему преподавания, а не алфавит и правила правописания [Михайлов 1911: 246].

Озабоченность учителей по поводу усвоения детьми правил орфографии была связана с еще одной вещью. Сельские учителя хорошо знали, что грамотные крестьяне в своей повседневной практике писали не так, как их этому учили в школе. Ученик четырехклассной школы успешно сдавал выпускной экзамен, на котором демонстрировал свое знание русской орфографии, а уже через некоторое время учителя отмечали, что он начинал писать, игнорируя правила правописания.

Об особенностях крестьянской орфографии писал в свое время ученик Бодуэна де Куртенэ В. А. Богородицкий, посвятивший этому феномену статью «Изучение малограмотных написаний». Идея изучать подобные написания была по-своему революционной, ведь до Богородицкого отступления от стандартной орфографии квалифицировались исключительно как неграмотность и отсутствие образования и, следовательно, не могли быть объектом научного описания. Богородицкий же попытался найти закономерности и принципы в крестьянском письме, зафиксировать общее и частное [Богородицкий 1901]. Так, например, он отмечал, что крестьяне, закончившие начальную школу, то есть изучившие правила русской орфографии, в своих письмах почти не употребляют букв *ѣ* и *і*. «Один грамотник, — пишет Богородицкий, — вовсе не писал буквы *ѣ*, а между тем произносил ее, читая печатные книги. Чтобы убедиться, знаком ли он с рукописным начертанием этой буквы, я написал ее и спросил, знает ли он эту букву; оказалось, что знает. Тогда я любопытно узнал, почему он не пишет этого знака. Наш грамотник отвечал, что он пишет попросту, без этой буквы, и многие так пишут, в печатных же книгах буква эта употребляется. Также он говорил и про букву *і*, которая тоже не встречалась в его написаниях» [Богородицкий 1901: 4]. В статье Богородицкого описываются и другие особенности народного письма, например, указывается, что в нем отсутствует особая буква *й*, вместо нее пишется *и* [Богородицкий 1901: 4–5]. Еще одной чертой, на которой фиксирует свое внимание исследователь, является наличие двух графем на месте русской буквы *е*. «В одной серии малограмотных писем, — отмечает Богородицкий, — я встретил два знака для гласного *е*: *ε* и *е*, первый знак употребляется в начале слова, второй в середине и конце» [Богородицкий 1901: 5]³.

³ В связи с этим наблюдением следует отметить, что подобное распределение вариантов букв *е* характерно для церковнославянской орфографии, где в начале слова пишется *е*-широкое, а не в начале — *е*-узкое.

Работа Богородицкого демонстрирует, что в крестьянской среде было свое особое представление об орфографии. Важно отметить, что такое представление сформировалось не на рубеже XIX — XX веков, а значительно раньше. Подтверждением этого являются лубочные листы, воспроизводящие тексты, написанные в стандартной орфографии, например, лубочные перепечатки газетных заметок⁴. При сравнении газетного и лубочного текста мы видим, что лубок пытается избавиться от букв *ѣ* и *і*. Замена происходит не всегда, но тем не менее если мена *ѣ* на *е* встречается достаточно часто, то *е* на *ѣ* не меняется практически никогда. Для лубка также характерно написание и-восьмеричного перед гласным (*-ие, -ия, -ию*), за исключением позиции *-ии*, которая записывалась как *и* или же, наоборот, как *иі*⁵. И хотя лубочные газеты — реалья конца XVIII в., есть достаточное количество свидетельств того, что подобная ситуация сохранялась и на всем протяжении XIX в. Главным аргументом здесь является орфография крестьянских и солдатских писем⁶.

При сравнении проектов орфографических реформ с практикой крестьянской орфографии бросается в глаза то, что вопрос о том, какие «лишние» буквы исключать из алфавита был решен в соответствии с принципами народной орфографии. Но если по поводу буквы *ѣ* разногласий не было, то вопрос о выборе между *и* и *і* не был столь однозначным. Если орфографическая комиссия при Педагогическом обществе Московского университета высказывалась в пользу *и*, то орфографическая Комиссия Новороссийского университета предпочитала сохранение буквы *і*⁷. *В пользу буквы і писали, что сближает русский алфавит с алфавитами других европейских языков и у нее проще начертание. Вот как комментировал выбор буквы і составитель «Упрощенной русской азбуки» К. А. Сорокин: «Из букв і—и—у я принял і, так как у встречается только всего*

⁴ Основными читателями лубка были горожане, не принадлежащие к образованным слоям общества, и крестьяне [Рейтблат 2001: 157; Гриц и др. 2001: 13–20]. Подробнее об орфографии лубочных текстов см. [Плетнева 2013: 81–89, 106–110].

⁵ Подробнее о лубочных газетах см. [Плетнева 2016: 206–226].

⁶ Об этом см., например, [Йокояма 2014: 305–330]. Даже в современной языковой практике можно найти подтверждение существования в прошлом особой народной орфографии и вычлениить ее основные принципы. Речь идет о письмах Агафьи Лыковой, отшельницы из семьи старообрядцев-беспоповцев, которая воспитывалась на церковнославянском Букваре и Псалтири. В ее письмах, написанных на русском языке, отчетливо прослеживается влияние церковнославянской письменности. В них есть знаки придыхания, титла, буквы омега, от, два графических варианта для буквы у, но при этом буквы *ѣ* и *і* почти не встречаются. Факсимильное воспроизведение этих писем см. [Толстова 2010: 114–127].

⁷ Аргументировалось это следующим образом: «Отдавая вопреки решению Московского общества предпочтение букве *і* перед буквой *и* Комиссия имела в виду два соображения: а) первое и главное: четкость письма от присутствия надстрочной точки увеличится, между тем как проектированное единообразное употребление буквы и только бы затруднило чтение рукописного текста, особенно в таких сочетаниях букв, как иишиш, шиш, шии, иши, ши, иш: лишиш (ср. лішіш), слышиш (ср. слышіш), старшии (но старшіі = современному старшіе), пиши (ср. піші), кши (ср. кші), киш (ср. кіш); б) кроме того буква *і* сближает русский алфавит с западноевропейским, а буква и отдаляет» [Доклад 1903: 3].

в нескольких словах: *муро*, *муровареніе*, *муропомазаніе* и т.п.; буквы же *и*—*і* хотя встречаются одинаково часто, но начертание *і* проще и в иностранных языках этот звук изображается таким же образом» [Сорокин 1903: 3]. Апелляция к «иностранным языкам» весьма показательна. Реформаторские проекты конца XIX — начала XX века, как правило, были ориентированы на европейскую традицию. Так что мог победить и вариант *і*, однако, как мы знаем, реформированная орфография в соответствии с народной орфографической традицией сохранила *и*, а не *і*.

Возможно, народная орфография повлияла и на выбор нормативного написания приставок на *-с-* и *-з-*. В лубочных листах правописание *с* перед глухим согласным было распространено достаточно широко. В «гротовской» орфографии предусматривались довольно сложные правила правописания приставок на *-с-* и *-з-*, и наиболее логичным и соответствующим принципам устройства русской орфографии было бы писать *-з-* во всех случаях. Однако был избран другой вариант, который соотносился с традицией народной орфографии.

Литература

- Богородицкий В.* Изучение малограмотных написаний. Казань, 1901.
- Голос учителя (Из учительских писем) // Для народного учителя. 1914, № 3.
- Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии. М., 2004.
- Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001.
- Доклад Комиссии по упрощению русского правописания. Новороссийск, <1903>. На правах рукописи.
- Йокояма О.* Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. II. М., 2014.
- Мироносицкий П. П.* В защиту родной письменности (По поводу мероприятий к упрощению родного правописания) <1917>.
- Михайлов А. В.* Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма. Варшава, 1911.
- Мусорные буквы // Неделя, 1895, № 47 (19 ноября), стлб. 1494–1495.
- Плетнева А. А.* Лубочная Библия: язык и текст. М., 2013.
- Плетнева А. А.* Лубочные перепечатки газет: к вопросу об орфографическом единстве лубочной письменности // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 206–226.
- Протокол заседания комиссии по вопросу о русском правописании. СПб., 1905.
- Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. М., 2001.
- Резолюция пятой секции «О методах преподавания в начальной школе» // Для народного учителя. 1914, № 3.
- Сорокин К. А.* Упрощенная русская азбука и правописание. СПб., 1903.
- Толстова Г. А.* Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в собрании Красноярского краеведческого музея). Красноярск, 2010.

Alexandra A. Pletneva

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
csl_centra@mail.ru*

POPULAR SPELLING AND THE ORTHOGRAPHY REFORM 1917–1918

The article deals with the problems of the prehistory of the 1917–1918 orthographic reform. It was already in the 19th century that the discussion of the program of this reform began, and rural teachers came to be its most active supporters. Teachers used to believe that simplification of spelling would facilitate the learning process and contribute to the success of public education. The article shows that as a result of the reform, the orthographic norm absorbed a number of features inherent in popular writing (cheap popular prints, peasant letters). Peasant orthography was not standardized, but it had a number of specific features, some of which were borrowed by the authors of the reform.

Key words: orthography, orthographic reform, popular writing, cheap popular print, illiteracy, low-literacy.

References

Bogorodickij V. *Izuchenie malogramotnykh napisanij* [The study of illiterate spellings]. Kazan', 1901.

Golos uchitelya (Iz uchitel'skikh pisem) [The voice of the teacher (From teacher letters)]. *Dlya narodnogo uchitelya* [For national teacher]. 1914. №3.

Grigor'eva T. M. *Tri veka russkoj orfografii* [Three centuries of Russian spelling]. M., 2004.

Gric T., Trenin V., Nikitin M. *Slovesnost' i kommerciya. Knizhnaya lavka A. F. Smirdina* [Literature and Commerce. Bookshop of A. F. Smirdin]. M., 2001.

Doklad Komissii po uproshcheniyu russkogo pravopisaniya [The report of the Commission on the simplification of Russian spelling]. Novorossijsk, <1903>. Na pravakh rukopisi.

Jokoyama O. *Pis'ma russkikh krest'yan. Teksty i konteksty* [Letters of Russian peasants. Texts and contexts]. Tom II. M., 2014.

Mironosickij P. P. *V zashchitu rodnoj pis'mennosti (Po povodu meropriyatij k uproshcheniyu rodного pravopisaniya)* [In defense of his native literature (concerning measures to simplify the native spelling)] <1917>.

Mihajlov A. V. *Opyt vvedeniya v izuchenie russkogo literaturnogo yazyka i pis'ma* [The experience of the introduction to the study of the Russian literary language and letters]. Varshava, 1911.

Musornye bukvy [Garbage letters]. *Nedelya*, 1895, no. 47 (19 noyabrya), stlb. 1494–1495.

Pletneva A. A. *Lubochnaya Bibliya: yazyk i tekst* [Cheap popular Bible: language and text.]. M., 2013.

Pletneva A. A. *Lubochnye perepechatki gazet: k voprosu ob orfograficheskom edinstve lubochnoj pis'mennosti* [Cheap popular reprints of Newspapers: the issue of spelling the unity of cheap popular literature]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016. No. 2. Pp. 206–226.

Protokol zasedaniya komissii po voprosu o russkom pravopisanii [The minutes of the meeting of the Commission on the question of the Russian spelling]. SPb., 1905.

Rejtblat A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii* [As Pushkin was published in Genii]. M., 2001.

Rezolyucii pyatoy sekcii «O metodah prepodavaniya v nachal'noj shkole» [Resolution of the fifth section of "methods of teaching in elementary school"]. *Dlya narodnogo uchitelya*, 1914, №3.

Sorokin K. A. *Uproshchennaya russkaya azbuka i pravopisanie* [Simplified Russian alphabet and spelling]. SPb., 1903.

Tolstova G. A. *Poluustav v XXI veke (pis'ma Agafi Lykovej v sobranii Krasnoyarskogo kraevedcheskogo muzeya)* [The Cyrillic alphabet in twenty-first century (letters Agafia's in the collection of Krasnoyarsk Museum of local lore)]. Krasnoyarsk, 2010.